

ПИСЬМА М. Ф. КОРШ

Публикация Н. П. Андиферова

Большая пачка писем Марии Федоровны Корш (1808—1883) к ее другу Марии Каспаровне Рейхель, находящаяся в «пражской коллекции», содержит 99 листов и охватывает время от 1847 до 1870 г. (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 273). Многие из этих писем сохранились в неполном виде; среди них есть и письма Е. К. Станкевич (жены А. В. Станкевича), сопровождавшей М. Ф. Корш в ее путешествии по странам Западной Европы в конце пятидесятих годов. Письма обычно датированы лишь месяцами и днями. Годы ни где не указаны. Мы публикуем отрывки некоторых писем, так или иначе относящиеся к Герцену.

Наибольший интерес представляют письма пятидесятых — начала шестидесятых годов. Они освещают ряд эпизодов из истории конфликта между Герценом и его московскими друзьями, наметившегося еще в 1846 г. и завершившегося к шестидесятым годам окончательным разрывом. В письмах этого периода М. Ф. Корш пыталась через М. К. Рейхель склонить Герцена к более умеренной позиции, смягчить нападки на царя и его окружение. В публикуемых письмах отражен также неослабевающий интерес их автора к частной жизни Герцена, в них — характерные отзвуки тех недоброжелательных слухов, которые ходили в кругу М. Ф. Корш о семейной жизни бывшего друга.

Мария Федоровна Корш, сестра Евгения Федоровича Корша, была несколькими годами старше других членов московского кружка 40-х годов и заняла в нем особое место — старшей заботливой сестры. Хромая, с неудавшейся личной жизнью, она с горечью называла себя «приживалкой». Со страстью привязывалась она к людям, хотя в письмах отрекалась от этого «романтизма», утверждая, что «слишком опираться на личность» значит «рисковать страшно ушибиться» (см. настоящая том, стр. 385).

На жизненном пути Герцена Мария Федоровна занимала скромное место, но все же обойти ее, изучая биографию Герцена, нельзя. Герцен и его жена дорожили ее дружбой. Собираясь в заграничное путешествие, они пригласили с собой не ближайшего друга Натальи Александровны, Т. А. Астракову, а Марию Федоровну.

Друзья Герцена высоко ценили эту умную женщину. Так, Грановский писал ей в начале 1849 г.: «Между друзьями, конечно, одно из первых мест принадлежит вам» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 320). В 1852 г. Грановский писал ей: «А вас я крепко люблю и в тяжелые дни часто звал мыслию...» (там же, стр. 321).

Белинский сообщал жене 22—23 июля 1847 г. о теплом приеме его в семье Герцена: «Там все были так рады нам, особенно эта добрейшая Марья Федоровна Корш» (Белинский. Письма, т. III. 1914, СПб., стр. 248). С особым вниманием к роли М. Ф. Корш в семье Герцена отнесся П. В. Анненков, к которому адресовано процитированное здесь письмо Белинского. Он называл ее «живым напоминанием» о недавно покинутой ими Москве. «В образе М. Ф. Корш стояла перед Герценом олицетворенная элегия с горячими симпатиями к прошлому» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 512—515). Писавший свои воспоминания много позже, Анненков ретроспективно оценил роль М. Ф. Корш как одного из звеньев, связывавших Герцена с кругом его бывших друзей в Москве. Он верно почувствовал, что она тянула Герцена к прошлому этапу, уже пройденному и им и его женой. В этой семье, по словам Анненкова, «она становилась каким-то анахронизмом» (там же, стр. 512).

М. Ф. КОРШ

Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г.; из альбома, подаренного Герцену Огаревым
«Пранская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

М. К. Рейхель особенно сблизилась с М. Ф. Корш в Париже. Их дружбе содействовала общая привязанность к детям Герцена, которая звучит такой ясной нотой в публикуемых письмах. М. К. Рейхель называет в своих воспоминаниях М. Ф. Корш «страстной, любящей натурой, лишенной личного счастья» и говорит о своих чувствах к ней: «... я привязалась к ней всем сердцем и пользовалась ее дружбой до конца ее жизни, последние годы уже в долгой и дальней разлуке, — она в России, я за границей» (М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 35).

Им обeim хотелось делать одно общее дело: быть полезными Герцену, служить ему связью с родиной. Но они по-разному понимали эту задачу. М. К. Рейхель, «парижская сестра», как называл ее Герцен, была его верным, преданным другом и помощником в деле налаживания связей с его корреспондентами в России. М. Ф. Корш, также выполнявшая различные поручения Герцена, бывшая его «московским архивариусом», вместе с тем стремилась активно воздействовать на него, чтобы сблизить его с лагерем либералов. При этом, с одной стороны, сообщая о растущем влиянии «Колокола», она утрашала Герцена возможностью падения этого влияния, если он не откажется от «крайностей», а с другой стороны, пробуждала в нем дорогие ему воспоминания о последних годах его жизни, проведенных в родной Москве. Так, в отличие от М. К. Рейхель, она понимала свою миссию, внося в ее выполнение много душевных сил.

* * *

Первые из публикуемых ниже писем относятся к 1847—1848 гг. — к тому времени, когда М. Ф. Корш, сопровождая семью Герцена, жила в Париже, а потом путешествовала по Италии. Наибольший интерес представляют два письма. Первое, без даты, написано из Парижа, перед отъездом в Италию, который состоялся 21 октября 1847 г. М. К. Рейхель в это время находилась в Швейцарии. «Продолжаем собираться в Италию... Ну-с, слышала „Дон Жуана“. Очень было хорошо, а в особенности удовлетворил нас Lablache¹. Он и певец, и музыкант, и актер чудесный. Обидно, очень обидно, что вас не было с нами. Завтра опять „Дон Жуан“, и Александр Иванович опять возьмет нас. Вообще в последнее время мы загуляли. Были в St.-Clou², в St.-Germain³, в Hôtel Clunie⁴, собираемся в Лувр с Натальей Александровной <...>» (л. 54). К этому письму сделал приписку Герцен, обращаясь к своей матери (см. т. 64 «Лит. наследства», печатается).

Второе письмо также не датировано. Его можно отнести к 5 или 6 января 1848 г. Оно послано из Рима в Швейцарию: «...Ну, матушка моя, ай да сицилийцы! Неужели вы не поедете в Палермо? ⁵ Здесь дня три тому назад народ очень шумел на Корсо и на Place de Peuple⁶. Требовали перемены министерства, и сенатор Корсини объявил от имени Пиюшки⁷, что все будет сделано в течение одной недели. Они хотят, чтобы кардиналы не вмешивались более в гражданские дела, а занимались бы только церковными...» (л. 61а об.).

М. Ф. Корш со всей семьей Герцена разделяла симпатии к итальянскому народу, поднявшемуся на борьбу за освобождение своей родины от ее угнетателей. В «Былом и думах» (глава «Сон») Герцен описывал «бесчисленный народ, мешавший с криками войны и проклятиями иезуитам громкое „Evviva le donne forestiere!“» (XIII, 300). Среди этих женщин, осененных знаменем Италии, была и М. Ф. Корш. Описанные события происходили 22 марта 1848 г., за два дня до объявления Пьемонтom войны Австрии.

* Да здравствуют дамы-иностранки! (итал.).

М. Ф. Корш покинула семью Герцена для возвращения на родину вместе с Тучковыми в августе 1848 г. Н. А. Герцен по этому поводу писала Грановскому: «Вы увидите Марию Федоровну, мне ужасно жаль, что она уезжает от нас; вижу всю необходимость, верю логичности ее возвращения, и все-таки оно мне кажется нелепым. Она расскажет вам о нас, если не все, так много, — всего и сам не расскажешь» (см. настоящий том, стр. 380). Это письмо свидетельствует о том, как доложили в семье Герцена добрыми отношениями с М. Ф. Корш.

17 марта 1849 г., по возвращении на родину, Мария Федоровна писала М. К. Рейхель, вспоминая свою жизнь в семье Герцена:

«*вдруг подали мне ваше письмо... Я начала читать, и с первых строк мне стало лучше, теплее, ожила в глазах Италия, Париж, Лувр с его Венерой⁸; мне так живо представилось, как мы с вами ходили по галереям. Наслаждайтесь, пока возможно, всем, чем возможно: людьми, природой, картинами, статуями, музыкой, хватайте все обеими руками, пока есть настолько свежести в душе, что еще можно наслаждаться. Потому что все пройдет, Микасина⁹, и душа устанет, — хорошо, если из многих *идолов* останется у вас горсточка *людей*, которых вы будете любить потихоньку, без больших требований, довольствуясь мыслью, что они вас совсем не покинут, иногда покажут вам участие, и этого уж много» (л. 92).

После трагедии в семье Герцена (гибель матери и сына, смерть жены) Мария Федоровна, озабоченная его судьбой, выражала пожелание, чтобы Герцен и оставшиеся в живых дети объединились с семьей Рейхель. Письмо из Москвы, без даты и без начала, относится, вероятно, к концу мая или началу июня 1852 г.:

«...Бедный милый Ал(ександр). Как бы хорошо жить вам с ним. Неужели этого не будет? <...> Напишите подробно о себе и о Ал(ександре); Тате моей милой напомните обо мне, когда ее увидите; мне бы не хотелось, чтобы она меня совсем забыла; знаю, что это глупость, да что прикажете делать!» (л. 94 об.).

После этого письма имя эмигранта Герцена надолго исчезает из писем М. Ф. Корш. В письме от 23 октября, относящемся к 1853 г. и написанном из Петербурга, она делится с Рейхель своими впечатлениями о беседе с М. С. Щепкиным, после его возвращения из Лондона, где он провел с Герценом четыре дня, с 3 по 6 сентября:

«...Михаил Семенович привез нам грустные вести о нашем *друге*, его внутреннее состояние, должно быть, ужасно. Видно, что несчастная семейная драма растерзала его душу. Что-то и как будет с ним? Во всех отношениях хорошо бы было ему хоть на два года уехать в Америку: это бы освежило его, а главное, он бы вырвался из теперешней среды. Из письма его видно, что он глубоко презирает людей, которыми теперь окружен, а между тем не может вырваться из этой шайки. Пожмите ему руку, Микасина, и скажите, что друзья его много и много его любят и разделяют все его горести» (л. 62 об. и 63).

Герцен, вспоминая беседу со своим старым другом М. С. Щепкиным, приводил его слова: «Я говорю за одного себя и прямо скажу: по-моему, поезжай в Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года через два-три мы начнем работать, чтоб тебе разрешили въезд в Россию» (XVI, 507).

Однако ясно, что Щепкин выражал не только свое мнение. Он был рупором определенного политического круга, к которому принадлежала и М. Ф. Корш вместе со своим братом. И ее письмо тоже было продиктовано общим стремлением «московских друзей» убедить Герцена отказаться от

* Начало письма не сохранилось.

революционной пропаганды, прекратить деятельность Вольной русской типографии, стремлением направить его на либерально-реформистский путь. М. Ф. Корш повторяет совет Щепкина ехать в Америку, но не решается прямо назвать цель, ради которой это необходимо сделать («ничего не пиши, дай себя забыть»). Зная из письма Герцена к друзьям (от 2 сентября 1853 г.) о горьком разочаровании Герцена в деятелях революционной эмиграции, среди которых он находился в Лондоне (см. текст этого письма в книге: «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 77—78), М. Ф. Корш видит для него выход в том, чтобы «вырваться из этой шайки» и искать опору в единении со старыми друзьями. Любовь к ним действительно еще была сильна в душе Герцена, но встреча со Щепкиным заставила его мужественно заявить: «Да, мы если не расходимся, то разводимся обстоятельствами дальше и дальше» (письмо к друзьям от 5 сентября 1853 г. — Там же, стр. 80).

Вспоминая позднее свидание со Щепкиным, Герцен писал, что в его словах он услышал «звуки московского консерватизма». Эти же звуки определили основной тон приведенного отрывка из письма М. Ф. Корш.

Весной 1856 г. Мария Федоровна с больной женой Грановского и доктором П. Л. Пикулиным выехала за границу, о чем Герцен 27 мая извещал М. К. Рейхель (VIII, 304). Корш долгое время не решалась писать к Герцену, поддерживая связь только с М. К. Рейхель, через которую сведения о ней доходили и до Герцена. Долгое молчание Корш вызвало вопрос с его стороны в письме к Рейхель от 16 августа: «Да отчего же Мар<ия> Фед<оровна> не пишет ко мне? здесь не опасно» (VIII, 325).

Это положило конец ее колебаниям. Вскоре Мария Федоровна написала Герцену, о чем она и сообщила Рейхель из Крейцнаха, в письме, датированном «30-го. Середа» *:

«Я написала Александру Ивановичу, потому что мне хотелось ему написать и потому что, если б я была на его месте, то мне было бы больно, если бы он не написал мне, приехав за границу. Вы в этот раз не говорили мне, как в прошлый, что надо ему написать, а потому у меня и два и три на уме, хорошо ли я это сделала. Но, впрочем, если он и переменялся ко мне, то я все так же люблю его. Напишите откровенно, что вы об этом думаете. Как тяжело быть поставлену с близкими людьми в такое отношение, как будто чего-то опасаясь, а между тем, что прикажете делать — устроилось это так, да и все тут» (лл. 52 об. — 53).

Упомянутое М. Ф. Корш письмо ее к Герцену до нас не дошло, как не дошел и ответ на него Герцена, который, вероятно, не мог скрыть недовольства тем, что она, зараженная страхами «московских друзей», так долго опасалась писать ему. Об этом ответе Герцена она сообщала Рейхель в письме от 11 сентября (1856 г.) из Баден-Бадена:

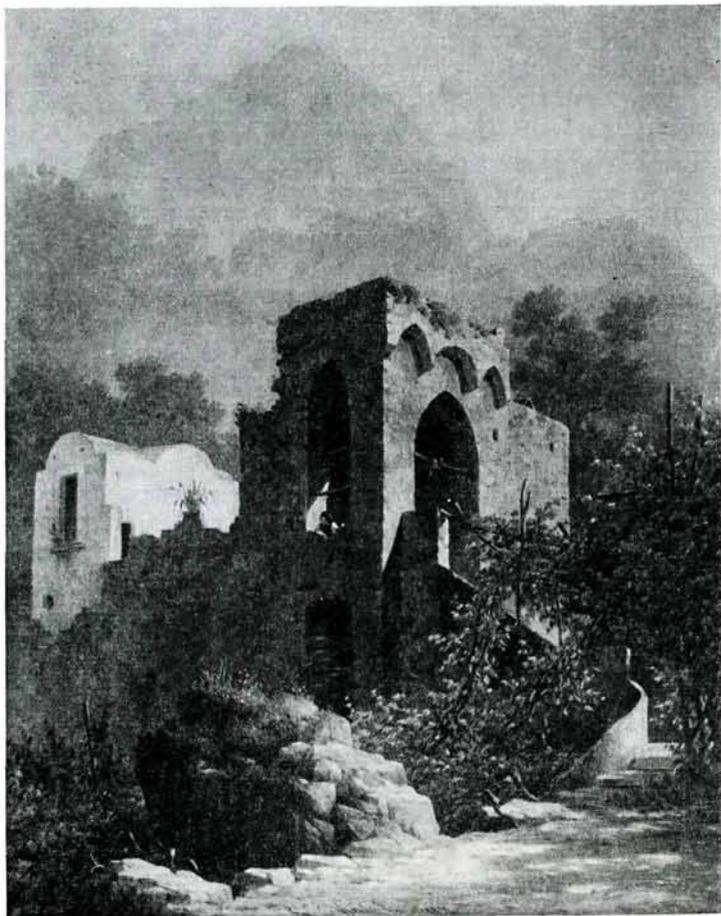
«Ал<ександру> я писала и получила от него ответ, который, скажу вам откровенно, показался мне таким холодным и сдержанным, что сделал на меня очень тяжелое впечатление. Вообще видно, что присутствие От<аре>вых неблагоприятно действует на отношения Ал<ександра> к его русским друзьям. Я собираюсь писать ему и скажу откровенно, каким я нашла его письмо.

Сочинений его я не могла взять у Дмитрия Михайловича¹⁰, потому что уже он уехал отсюда, когда я получила ваше письмо. Вторую часть „По-

* В 1856 г. тридцатое число по старому стилю приходилось на среду только в мае. Однако письмо не может быть отнесено к этому месяцу, так как Герцен до 16 августа даже не знал, где находится Корш. Остается предположить, что она ошиблась в обозначении дня: 30 августа 1856 г. был четверг. При допущении, что она датировала письмо по новому стилю, его пришлось бы отнести к июлю, что также не согласуется с приведенными выше письмами Герцена.

лярной звезды"¹¹ прочла от доски до доски и с большим наслаждением читала „Былое и думы“ — я в этом видела Герцена... Часто хохотала и плакала. В Париже я куплю первую часть „Полярной звезды“ и „Прерванные рассказы“. Ал(ександр) мне предлагает прислать чего у меня нет или, лучше сказать, чего я не читала; но не стоит ему доставлять эти хлопоты» (лл. 31—32 об.).

Герцен был огорчен тем, что Мария Федоровна нашла его письмо холодным. Он писал 23 сентября М. К. Рейхель: «Не в Париже ли Марья Федоровна и Лизавета Богдановна? Если так, то передайте им обеим...

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Аquareль Сократа Воробьева, 1852 г.

Третьяковская галерея, Москва

что вы думаете? Строжайший выговор за их последнее письмо; я не пишу прямо, потому что не знаю, дойдет ли письмо. В самом деле, мне было больно и очень, что Марья Федоровна нашла мое письмо холодным, не экспансивным <...> Разумеется, Москва для меня утратила половину своего значения с тех пор, как Огарев здесь, а Грановск(ий) в могиле. Остается один Корш; с Кетчером мы были бы опять на ножах через день; с другими я далеко расхожусь во всем» (VIII, 338). Несмотря на эти горькие признания, Герцен в то время не сделал еще окончательных выводов.

Когда он погружался в свое «Былое», в его душе оживала привязанность к друзьям юности.

Летом 1857 г. М. Ф. Корш встретила с Герценом в Лондоне. Пробыла она там со 2 по 6 июня. С ней Герцен отправил письмо москвичам, помеченное 4 июня: «Пишу к вам, друзья, только для того, чтоб сказать, что я жив, что разлука не ослабила мою любовь к вам, что наше молчание не стерло ничего из памяти того светлого времени первой и второй юности, которое мы провели вместе. Остальное узнаете в рассказе Марии Федоровны, — ее приезд мне чрезвычайно важен: вы все приблизились с нею» (VIII, 513—514). А несколькими днями позднее он писал Н. М. Щепкину: «Приезд Марии Федоровны размосквил меня (я не знаю, можно ли это сказать, но чувствовать можно)» (VIII, 518).

М. Ф. Корш и в дальнейшем продолжала поддерживать связь с Герценом. Она рекомендовала ему ехавших за границу русских, которых привлекала встреча с «лондонским изгнанником» и которые могли, по ее мнению, заинтересовать его своими рассказами о русской жизни. 24 июня/6 июля 1857 г. она писала М. К. Рейхель:

«Письмецо это передаст вам профессор Казанского университета Николай Никитич Булич¹², наш добрый приятель и весьма милый и благонадежный человек. Приласкайте его, моя голубушка, Макарина, и дайте ему адрес нашего друга — он может многое порассказать ему» (л. 25).

Это письмо дает возможность установить, о ком писал Герцен Марии Федоровне 22 июля 1858 г.: «Здесь ваш казанский знакомый<...> Я очень доволен его приездом. Между прочим, он привез мне не только письма, бывшие у Ел<ены> К<онстантиновны>, но кипу наших бумаг и писем от 38 до 46 года» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 83).

Какие имел в виду Герцен «бумаги» и «письма», из-за отсутствия необходимых данных выяснить не удалось. Можно, однако, предполагать, что среди привезенных из России рукописей находились и те владимирские и московские письма Герцена к семье Астраковых, которые оказались затем в заграничной части герценовского архива (см. публикацию этих писем в следующем томе «Лит. наследства»). Комментируя письмо Герцена, Н. М. Мендельсон высказал предположение, что «казанский знакомый» — псевдоним (подобно тому, как Пикулина Герцен по соображениям конспирации называл «Вепским»; Мендельсон думал, что под этим псевдонимом мог скрываться А. Н. Пыпин, ездивший в Лондон в 1858 г. и начинавший свои университетские годы в Казани). Публикуемое письмо дает ответ: «казанским знакомым» был Н. Н. Булич. Следует также исправить предложенную Мендельсоном датировку — 1858 на 1857 г.

14 ноября 1857 г. Корш писала из Рима:

«...Вы порадовали меня тем, что Ал<ександр> велел меня пожурить; это лучше молчания, а я боялась, что он совсем на меня осердился за письмо мое. Вы, Макарина, пожалуйста, пришлите мне с кем-нибудь его сочинения, ведь это для меня наслаждение будет» (л. 82).

Письмо кончается сопоставлением Рима 1857 г. с Римом 1847—1848 гг., когда М. Ф. Корш была там с семьей Герцена, разделяя его отношение к тогдашним событиям. И теперь все симпатии ее на стороне Рима, каким он был десять лет тому назад, так как ей дороги воспоминания тех лет: «Живем мы между Corso и Place d'Espagne, но в Риме страшная перемена. На площади Петра учат солдат, около Колизея учат солдат, и даже римский народ стал хуже, вследствие угнетения, вероятно» (л. 83 об.).

Ввиду непрекращавшегося революционного брожения в Италии, в Риме оставались французские войска, вторгшиеся в 1849 г. для уничтожения республики и для поддержания светской власти папы. Высказан-

ное в приведенном письме опасение, что Герцен сердится на нее, было вызвано его письмом к М. К. Рейхель от 14 августа 1857 г. «Не будете ли писать к Мар<ии> Фед<оровне>? скажите ей, что я с удивлением вижу из письма Астраковых, что он все еще ничего не получил из посланного» (IX 11). Отвечая 6 сентября (н. ст.) на этот упрек, Мария Федоровна писала М. К. Рейхель: «...Вещи уже более месяца были пересланы Татьяне Алексеевне. Я продержала их недели две у себя, потому что хотела отвезти их сама по желанию Ал<ександра>» (л. 69 об.).

Далее она просит успокоить Герцена: Т. А. Астракова, вернувшаяся из деревни, известила ее о получении всех вещей. Следующая часть

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Картина маслом неизвестного художника, 1849 г.

Собрание А. С. Минкина, Ленинград

письма к М. К. Рейхель посвящена отчету о выполнении просьбы Герцена: «Что же касается до журналов, то ни один из здешних книгопродавцев не берется пересылать их в Лондон без того, чтобы кто-нибудь из тамошних книгопродавцев не выписал их *на свое имя*. Здешние книгопродавцы не имеют дела с лондонскими. Скажите мне, что подельывает Ал<ександр> и все его семейство? Был ли у вас профессор Булич? Он человек хороший и едет тоже на поклонение к святым местам» (лл. 68 об. и 70).

После получения письма от Рейхель о ее встрече с проф. Буlichem, Мария Федоровна сообщила 29 декабря 1857 г. (10 января 1858 г.), что направляет к ней после «казанского профессора» еще «харьковского», с просьбой сообщить ему адрес Герцена. Харьковский профессор Д. И. Каченовский¹³, получив адрес Герцена, посетил его в Путнее в начале апреля 1858 г. В письме к Рейхель от 8 апреля Герцен с удовле-

творением писал: «Качен<овским> я бесконечно доволен: он очень умный и дельный человек» (IX, 223).

В этом же письме (от 29 декабря) Корш вновь делала попытку воздействовать на Герцена в желательном для либералов направлении:

«Пользуюсь случаем, чтобы передать вам следующее: пожалуйста напишите Ал<ександру>, что он теперь une grande puissance *, здесь им боятся, в Петербурге его боятся. Государь и Константин Николаевич читают все, что он пишет, и много реформ сделано по его советам; а потому, чтобы никогда не касался лиц императорской фамилии, тем более, что государь, государыня и Константин Николаевич самые благонамеренные люди. Нельзя не удивляться, как государь отстаивает все хорошее от шаверы¹⁴, которою окружен. Наши всё хотели писать Ал<ександру> об этом, но они такие лентяи, что не поручусь за них» (лл. 79 — 80).

В публикуемом отрывке Корш выступает открыто как выразительница мнений целого кружка. Тон этого отрывка повелительный, а слова: «а потому, чтобы никогда не касался лиц...» — звучат почти как приказание. Такие выступления Герцена, как «Письмо к императору Александру II», написанное 15 июля 1857 г., питали тщетные надежды «московских друзей» «образумить» Искандера.

1 декабря 1858 г., в 29 листе «Колокола», Герцен опубликовал присланную ему Чичериным статью, предпослав ей свое предисловие и дав ей заглавие «Обвинительный акт». Эта статья привела к окончательному разрыву между Герценом и либеральными кругами в России. Герцен в своем предисловии истолковал ее как документ, написанный «с совершенно *противной* точки зрения, т. е. с точки зрения административного прогресса, губернментального доктринаризма» (IX, 405). Естественно, что его крайне волновал вопрос о том, как его близкие и дальние друзья отнесутся к обвинениям Чичерина.

31 января 1859 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Ваше письмо о чич<еринской> статье снова показывает, как вы хорошо и симпатично сочувствуете нам. Я желаю знать, как вам понравился ответ одного господина**, а потом интересно знать, что вам написала М<ария> Фед<оровна>... Мне это важно, ибо статья Чич<ерина> — пробный камень: кто с ним, тот, разумеется, враг всего, что нам дорого» (IX, 500).

Это был ультиматум Герцена «московским друзьям». М. К. Рейхель, судя по публикуемому ниже письму М. Ф. Корш, передала запрос Герцена и получила скорый ответ из Москвы, датированный 6/18 марта:

«Насчет бабушки Ал. скажу вам: ее родственники не против нее, но говорят, что, если бы она знала, какой она авторитет для старших, то была бы осмотрительнее¹⁵; если будет слишком строга, то авторитет этот пропадет. Тонем письма, писанного бабушке, все недовольны, а меня даже слезы прошибли, но правды в нем высказано много. Некоторые думают, что письма этого не следовало обнародовать. А вообще большинство совершенно на стороне старушки и даже идут до того, что называют внучка¹⁶ подлецом, тогда как он, правда, неумолимо резок, но все-таки благородный человек. Не могу сказать вам, как огорчило меня это письмо, я чувствовала, как оно должно было оскорбить нашу милую бабушку, которая всегда была и будет одной из самых близких мне людей» (л. 74—74 об.).

Статья Чичерина и открытое выступление издателя «Колокола» против него внесли смятение в среду «московских друзей» (но уже не единомышленников!) Герцена. Кетчер и Корш безоговорочно стали на сторону Чичерина; Кавелин, Тургенев, Анненков и некоторые другие либералы

* большая сила (франц.).

** То есть ответ самого Герцена, его предисловие к статье Чичерина.

признавали, что «основная мысль» чичеринской статьи «как нельзя вернее», но осуждали ее автора за оскорбительную жесткость тона и за клеветническое, по их мнению, утверждение, будто «Герцену смертельно хочется революции в России». Не без основания они полагали, что Чичерин оказал своим выступлением «существенную услугу» III Отделению.

Позиция, занятая М. Ф. Корш в этом вопросе, была двойственной: в ее письме искренние уверения в горячем сочувствии и любви к «бабушке» сочетаются с признанием «правды», высказанной «внучком», которого она склонна была винить только в «неумолимой резкости». М. К. Рейхель переслала это письмо Герцену, комментируя его, с своей стороны, в приричительно-благожелательном плане. Но Герцен прекрасно понял

НЕАПОЛИТАНСКИЕ ТИПЫ

Раскрашенная литография Гаэтано Дурá, 1850 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

смысл письма: «Ну, а вы дипломатическую ноту из Москвы, с позволения сказать, не раскусили. Марья Федоровна, жалея обе стороны, скрыла под розовыми листочками шишки Корша и доктринерской братии» (25 марта 1859 г. — IX, 535).

Зная, что М. К. Рейхель сообщает Герцену содержание ее писем, М. Ф. Корш стремилась пробудить в Герцене дорогие ему воспоминания о Москве 40-х годов, в особенности, связанные с Грановским, чтобы смягчить его настроение против Кетчера, Корша и других. 6/18 декабря 1860 г. она писала Рейхель:

«Сегодня именины старика Кетчера. Мальчики наши идут поздравлять его утром, а Евгений¹⁷ пойдет вечером. А мы из расчета остаемся дома. Бывало в этот день мы кутили все вместе и так было весело. Грустно оглянуться назад. Я порадовалась за вас, узнав, что madame Ричель подарила вам¹⁸ бюст нашего Гранки дорогого <...> Милые, дорогие Граночки, никогда не перестанешь жалеть о них. И бабушку так жаль, особенно теперь. Ах! как бы хотела я поговорить с вами. Почему люди самые умные бывают так слепы? Мы слышали, что в последних ее письмах опять много вздору. Кто это ей сообщает такие нелепости?» (л. 28 и 28 об.).

М. Ф. Корш имеет в виду последние листы «Колокола», в частности лист 86 (от 1 декабря 1860 г.), в котором Герцен в статье «Es reiten drei Reiter» резко осуждал как внешнюю, так и внутреннюю политику Александра II в связи со встречей в Берлине царя, австрийского императора и прусского короля. Нападки на царя особенно пугали «московских друзей».

По поводу упомянутого бюста Герцен писал М. К. Рейхель 7 августа 1860 г.: «Бюст Грановского прибыл: он очень хорош, хотя и не без изъянцев, да и то чудо. А вот в чем изъянцы: у Гранов<ского> брови проеми-нантнее * и глаза глубже; потом, мне кажется, что его лицо было подлиннее. Но похож, и я очень, очень благодарен» (X, 382). Этот бюст виден на дошедшем до нас позднем снимке кабинета Огарева (см. воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 569). Возможно, что он перешел к Огареву после смерти Герцена.

В московских кругах проявляли большой интерес к личной жизни Герцена, с осуждением относясь ко многому, что доходило до Москвы из Лондона. Все дурное приписывали влиянию Огарева и его жены. Из многочисленных писем М. Ф. Корш, отражающих эти слухи, публикуем лишь один отрывок, относящийся к 2/14 мая 1861 г.:

«...А как мне жаль слышать обо всем, что делается у бабушки. Страшно бывает подумать и посмотреть вперед. Хотя бы хорошее замужество для Таты. Это ей один выход. И что сделает Мейзенбух из Оли? и зачем разделили двух сестер?» (л. 9).

М. Ф. Корш имеет в виду отъезд М. Мейзенбург с Ольгой в Париж в ноябре 1860 г. Герцен был вынужден разлучить своих дочерей из-за тяжелых отношений между ними и Н. А. Огаревой.

Насколько Корш, сохраняя любовь к Герцену, расходилась с ним во взглядах и объединялась не только с его бывшими друзьями, но и с давними политическими противниками, — свидетельствует ее недатированное письмо 1863 г., вызванное позицией «Колокола» в польском вопросе. Это письмо, приведенное ниже, является еще одной иллюстрацией к известным словам Ленина: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“...» (В. И. Л е н и н, Соч., т. 18, стр. 13). Письмо начинается восхвалением Александра II, описанием «патриотического подъема» и рассуждениями о возможности интервенции, причем автор письма выражает готовность «идти в поход» в случае нападения на Россию западных держав. И дальше она продолжает:

«Как были бы изумлены и с каким презрением к своему легкомыслию остались те русские эмигранты, которые смотрят на себя как на пророков своего отечества, если бы они очутились в среде его и увидели и услышали все, что в нем делается в эту минуту.

Журналистика наша смело говорит о них, большинство мягче других относится к Герцену, который, несмотря на весь вред своей последней деятельности, несмотря на узорные *parti pris*** верить верхоглядам меньшинства и избегать указаний людей, которые дорожили его пониманием настоящего времени, всеми признан, и знающими его лично или по его сочинениям, за заблуждающегося, но все-таки благородного и симпатичного человека. Что же касается Бакунина, Огарева и сопр., общее презрение — награда за их измену России, иначе нельзя сказать. Спичи Бакунина в Мальме делают его презренным и комичным. Как жаль, что и глухой Саша юниор*** пустился туда же с затеей быть представителем

* выступают (от франц. «proéminent»).

** установки (франц.).

*** младший (лат.).

молодого поколения, о котором он и представления не имеет. Знаешь ли, что трудно поверить этому быстрому падению в общественном мнении у самых слепых приверженцев Герцена и сопр. „Колокола“ не читают в провинциях, где им лакомились года три назад, буквально не встретить и номера. Разумеется, что никто из них нам в этом не поверит, и вряд ли у них хватит мужества сознаться в своей смехоте, и при силе событий, которыми им и теперь отвечает Россия, они упорно гнут по-своему» (л. 33 об.).

Это письмо, необычное по резкости тона, продиктовано Е. К. Станкевич и написано рукой М. Ф. Корш. Надо думать, что оно отражает и ее отношение к «Колоколу». Содержание его почти совпадает с высказываниями И. С. Аксакова (в № 19 «Дня» от 11 мая 1863 г.), который также обвинял Герцена в сближении с «изменником русскому народу» Бакуниным: «От Бакунина мы ничего другого и не ждали, и не уважали его никогда нисколько, но от Герцена мы не могли этого ожидать и ждем... Да, ждем раскаяния».

В публикуемом письме исчезла «бабушка»: Герцен назван по фамилии. Авторы письма пишут о Герцене, как о постороннем, как о деятеле враждебного лагеря.

Прошло около семи лет. Герцен умер. М. Ф. Корш откликнулась на известие о его смерти в письме от 18 января ст. ст. 1870 г.:

«Я все сомневалась в смерти Ал(ександра), моя дорогая Макасиная! Все надеялась, что в газетах будет опровержение, но его нет, как нет. Дорогая моя, я знаю, как смерть эта тяжела для вас. Вы оставались всегда близки ему и его семейству. Не могу сказать вам, как было больно мне и моему брату узнать, что уже никогда более не увидим этого человека. Пожалуйста, голубка моя, опишите подробно все, что вы узнаете о нем и о детях. До меня дошли еще прежде такие страшные слухи о Тате¹⁹. Потом мне говорили, что ей стало лучше в Париже; воображаю, как на нее действовала внезапная смерть отца...

После его смерти так живо вспомнилось все прошедшее — такое оно было и хорошее и потом горькое» (л. 86 и 86 об.).

Так у свежей могилы Герцена М. Ф. Корш подвела итог своей многолетней дружбе с ним.

Публикуемые отрывки из ее писем дают представление о том, как менялись ее отношения с Герценом, как «хорошее» постепенно, под влиянием ее московских друзей, превращалось в «горькое». Вместе с тем они могут служить выразительной иллюстрацией к той истории идейного размежевания русского общества, которое, начавшись в сороковых годах, развело впоследствии бывших друзей в противостоящие один другому враждебные лагеря: революционных демократов, с одной стороны, либералов-реформистов — с другой.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Луи Лаблаш (1794—1858) — знаменитый французский оперный певец (бас), несколько раз упомянутый в «Былом и думах» (XIV, 197, 393, 394).

² *St.-Clou* — пригород Парижа с прекрасным парком, славившимся своими каскадами.

³ *St.-Germain-en-Lage* — пригород Парижа, резиденция французских королей в средние века.

⁴ *Hôtel Clunïe* — дворец Клюни, средневековое готическое здание, превращенное в музей материальной культуры эпохи поздней античности, средних веков и возрождения.

⁵ В Палермо в январе 1848 г. вспыхнуло народное восстание.

⁶ *Corso* — главная улица в Риме; на ней останавливался в 1847 г. Герцен с семьей. Его письма из Италии названы «Письма с *Via del Corso*». *Place de Peuple* (*Piazza del Popolo*) — Народная площадь, в которую упирается улица *Corso*.

⁷ *Пиюшка* — римский папа Пий IX.

⁸ *Венера* — статуя Венеры Милосской в Луврском музее.

⁹ *Микасина*, или *Макасина* — шутовское прозвище М. К. Рейхель (образовано из начальных слогов ее имени и отчества).

¹⁰ *Дмитрий Михайлович* — сын М. С. Щепкина; виделся с М. Ф. Корш и Е. Б. Грановской осенью 1856 г. в Баден-Бадене (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 325).

¹¹ Вторая книга «Полярной звезды» вышла 25 мая 1856 г.

¹² *Николай Никитич Булич* (1824—1895) — историк русской литературы и народного творчества, профессор Казанского университета.

¹³ *Дмитрий Иванович Каченовский* (1827—1872) — профессор международного права Харьковского университета.

¹⁴ *Шаверь, шаверень* — шваль, сброд, сволочь (словарь Даля).

¹⁵ *Бабушка* — так называет Герцена М. Ф. Корш, избегая в своих письмах упоминать запретное имя; *ее родственники* — московские либералы, бывшие друзья Герцена; *старшие* — Александр II, Константин Николаевич и вообще правящие круги России.

¹⁶ *Внучек* — Чичерин.

¹⁷ Е. Ф. Корш.

¹⁸ *Ричель* (Rietschel, 1804—1861) — выдающийся немецкий скульптор. М. К. Рейхель познакомила с ним Станкевичей, и они заказали ему бюст Грановского. А. В. Станкевич, очень похожий на Т. Н. Грановского, позировал скульптору. Бюст Грановского был подарен через М. К. Рейхель Герцену женой скульптора.

¹⁹ *Страшные слуги* — о нервном заболевании Таты Герцен (см. настоящий том, стр. 477).